

УДК 165.1

DOI: 10.15372/PS20230309

EDN: TWINW

А.А. Шевченко**КОЛЛЕКТИВНОЕ ЗНАНИЕ И ЛОГИКА
КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ**

В современной эпистемологии производство знания понимается как коллективное предприятие, предполагающее не только координацию усилий отдельных исследователей, но и наличие коллективных субъектов познания. Поведение такого коллективного субъекта предположительно определяется присущими ему коллективной рациональностью и коллективной интенциональностью. «Вынесение за скобки» индивидуального субъекта позволяет, в частности, устранить разрыв между индивидуальной и коллективной рациональностью, который является существенной проблемой для производства знания как общественного блага, поскольку может приводить к фрирайдерству и научному эгоизму. Вместе с тем конструирование коллективных субъектов познания не всегда видится оправданным методологическим и метафизическим приемом. Альтернативой может быть смешанная теоретическая схема – представление научного познания как коллективного действия, но без коллективной интенциональности.

Ключевые слова: субъект познания; общественное благо; рациональность; интенциональность; научный эгоизм; социальное взаимодействие

A.A. Shevchenko**COLLECTIVE KNOWLEDGE AND THE LOGIC OF
COLLECTIVE ACTION**

In modern epistemology, the production of knowledge is understood as a collective enterprise, which implies not only the coordination of the efforts of individual researchers, but also the presence of collective agents of cognition. The behavior of such a collective agent is presumably determined by its inherent collective rationality and intentionality. “Bracketing out” the individual agent allows, in particular, to eliminate the gap between individual and collective rationality, which is a significant problem in the production of knowledge understood as a public good, since it can lead to free-riding and scientific egoism. At the same time, the construction of collective agents of cognition does not always seem to be a justified tool in methodological and metaphysical terms. An alternative may

be a mixed theoretical scheme, namely the representation of scientific cognition as collective action, but without collective intentionality.

Keywords: agent of cognition; public good; rationality; intentionality; scientific egoism; social interaction

Традиционно знание понималось как результат индивидуальных усилий конкретного познающего субъекта. Примером такого познавательного эгоцентризма можно считать Р. Декарта, в частности его «Правила для руководства ума». Декартовский познающий субъект не нуждается в коллегах – ни в сторонниках, ни в оппонентах. Современная же философия науки и эпистемология имеют дело с наукой как социальным институтом, который представляет собой масштабное коллективное предприятие по производству и передаче знаний, в силу чего возникает множество проблем, связанных с социальным взаимодействием отдельных ученых и научных коллективов. Они включают принципы объединения людей в научные коллективы, постановку научных задач, оценку полученных результатов, разрешение разногласий и конфликтов.

В данной статье знание понимается в первую очередь как общественное благо со всеми его отличительными характеристиками. При этом оно является общественным благом в двух отношениях. Во-первых, это благо «первичное», благо для непосредственных его потребителей, которое открывает доступ к технологическим новшествам, новым лекарственным средствам или философским концепциям «хорошей жизни». Во-вторых, это благо для самих исследователей, предоставляющее новые возможности в плане внутри- и междисциплинарного научного взаимодействия.

К важнейшим особенностям общественных благ относят две их характеристики: 1) неделимость; 2) неисключаемость отдельных потребителей (невозможно продать эти блага только тем, кто за них заплатил) [3, с. 8–14]. Дополнительным признаком таких благ является и «неконкурентность в потреблении»: их потребление одними людьми не уменьшает возможности их использования другими. Примерами таких благ обычно служат чистый воздух, национальная оборона и силы правопорядка, публичные музеи и библиотеки, свет фонарей и т.д. Поскольку эти блага нельзя продать только конкретным покупателям, они в основном финансируются за счет нерыночных механизмов, по преимуществу государством посредством сбора налогов. Общественным благом можно считать и интеллектуальную

собственность, она также обладает всеми необходимыми характеристиками – неделимостью, неисключаемостью потребителей, а пользование интеллектуальной собственностью не только не уменьшает её количество для других пользователей, но и с большой вероятностью ведет к ее умножению.

Однако если мы считаем знание общественным благом, то должны принимать во внимание и стандартные проблемы, связанные с производством таких благ. Трудности, с которыми сопряжено осуществление коллективного действия, нацеленного на общее благо, хорошо демонстрирует математическая теория игр – уже на относительно простых примерах типа «дилеммы заключённого», когда интересы отдельно взятого индивида не совпадают с интересами того же индивида, но рассматриваемого в качестве члена группы. Самой очевидной иллюстрацией такого разрыва между требованиями индивидуальной и коллективной рациональности является проблема фрирайдерства [12]. Именно невозможность исключения членов группы, отказывающихся принимать участие в производстве коллективного блага, делает невозможным исключить их из числа пользователей этого блага, т.е. позволяет им паразитировать на чужих результатах, что, в частности, может вызывать нежелание делиться результатами своих научных исследований.

Если говорить о природе общественных благ в целом, то проблема состоит в «размытости» владения. «К тому, что составляет предмет владения очень большого числа людей, прилагается наименьшая забота, – утверждал Аристотель. – Люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им; менее заботятся они о том, что является общим, или заботятся в той мере, в какой это касается каждого» [1, с. 406, 1261b]. Об этом же, но уже в наше время писал и основатель Римского клуба А. Печчеи, обозначивший проблему как «трагедия общественного имущества». «Тяжек жребий того, что принадлежит сразу всем: каждый старается попользоваться этим больше или раньше, чем остальные, нимало не заботясь при этом о соблюдении общих интересов» [4, с. 111]. Если общие мотивы для широкого и бескорыстного обмена знанием очевидны, то с индивидуальной мотивацией дело обстоит сложнее. С одной стороны, настоящий ученый стремится сделать миру лучше и вписать свое имя в историю науки. Это дает стимул делиться полученными результатами. С другой стороны, есть опасность, что эти результаты могут быть некорректно использованы другими или получить недостаточное признание.

Конечно, в разных сферах деятельности существуют различные механизмы для решения этой проблемы. В науке таким механизмом, призванным стимулировать ученых не паразитировать на результатах, полученных другими, и делиться результатами своего труда, считается «правило приоритета», согласно которому только первый ученый или команда ученых, совершившие открытие, получают признание. Однако правило приоритета не является панацеей, позволяющей избавиться от возможного разрыва между индивидуальной и коллективной рациональностью, поскольку оно может как способствовать, так и препятствовать сотрудничеству исследователей, что особенно проявляется в сфере научных публикаций. С одной стороны, это правило стимулирует исследователя публиковать свои результаты как можно раньше, чтобы в случае успеха иметь максимальные шансы считаться первооткрывателем. С другой стороны, оно побуждает публиковать результаты минимально возможными порциями, с тем чтобы выжать из них максимальное количество публикаций и публиковать полные материалы только после совершения научного открытия (если оно случится). До этого же момента с точки зрения индивидуальной целерациональности возникают резоны скрывать информацию о ходе своего исследования, о методах и промежуточных результатах [11, p. 23].

Такая ситуация ведет к тому, что некоторые грантовые фонды делают публикацию промежуточных результатов обязательным условием финансирования. Известны и более радикальные попытки – вообще пересмотреть «правило приоритета». Так, в 2014 г. Фонд наследственных заболеваний (США) принял положение, согласно которому «в крупных проектах, требующих одновременного изучения многих научных направлений, ученые, финансируемые фондом, работают вместе над достижением единой цели. Заслуги делятся между всеми участниками независимо от того, какое направление исследований и какой ученый (ученые) окажутся первыми» (цит. по: [11, p. 5]).

При всей возможной полезности подобных практических подходов нас интересует поиск теоретического решения проблемы: как можно преодолеть или хотя бы купировать это расхождение между интересами отдельного индивида и интересами общества в сфере научного производства. Для этого прежде всего нужно обратить внимание на то, как именно понимается «коллективное» в применении и к самому знанию, и к совместным действиям по его производ-

ству. В социальной эпистемологии принято считать научное знание не просто агрегацией или суммой индивидуальных достижений отдельных ученых, а коллективной продукцией, получаемой и распространяемой в условиях социального взаимодействия – как профессионального (организация исследований, распределение ролей, регулирование разногласий), так и межличностного и неформализованного.

Содержательно интерпретации коллективного знания различаются в зависимости от того, кто признается субъектом познания: отдельный член группы, точнее, их сумма (отсюда «суммативный» подход) или же группа в целом как отдельный субъект. Первый вариант является наиболее традиционным и наиболее консервативным. В рамках суммативного подхода под коллективным знанием понимается ситуация, когда знанием обладают все или хотя бы некоторые члены группы. Такое понимание было впервые представлено в 1976 г. Э. Куинтоном, который писал: «Считается, что группы обладают убеждениями, эмоциями и установками, принимают решения и дают обещания. Но эти способы выражения явно метафоричны. Приписывание ментальных предикатов группе всегда является косвенным способом приписывания таких предикатов ее членам» [10, р. 19]. Такое понимание коллективной субъектности является не только традиционным, но и методологически экономичным, не требующим допущений о существовании дополнительных метафизических сущностей, таких как коллективные субъекты.

Тем не менее в современных дискуссиях набирает популярность идея о том, что группы исследователей могут быть признаны коллективными субъектами, которым можно приписывать эпистемические установки, такие как мнение и убеждение, при этом коллективное знание не может быть сведено к знаниям составляющих коллектив индивидов. Выделим две линии аргументации в пользу коллективной субъектности. В основе первой – тот несомненный факт, что поскольку производство знания в современной науке имеет коллективный характер, каждый исследователь зависит от результатов деятельности, полученных другими исследователями, а его собственные результаты также не могут быть рассмотрены независимо от труда, проделанного другими. Этот тип зависимости называют «эпистемической зависимостью».

Д. Притчард замечает, что вопрос об эпистемической зависимости в корне отличен от вопроса о различии между эпистемиче-

ским экстернализмом и эпистемическим интернализмом. Он является отражением совершенно иного спора – между эпистемическим индивидуализмом и эпистемическим антииндивидуализмом [9, р. 305]. Согласно сформулированному Д. Притчардом тезису об эпистемической зависимости, эпистемическая уверенность субъекта в истинности разделяемых им убеждений существенным образом зависит от факторов, находящихся вне его контроля как эпистемического субъекта [9, р. 306]. При этом он говорит о двух видах эпистемической зависимости: позитивной и негативной. В первом случае факторы, не контролируемые эпистемическим субъектом, могут позволить ему получить (или сохранить) знание, даже если в обычном случае его когнитивных способностей для этого недостаточно. Соответственно, в случае негативной эпистемической зависимости эти же факторы могут помешать ему получить (или сохранить) знание, даже если обычно уровень его когнитивной компетенции позволяет это сделать.

К. Рэй, также имея в виду эпистемическую зависимость, подчеркивает при этом роль коллективных субъектов познания. «Коллективное знание может быть единственным способом получить часть тех знаний, которые мы сейчас считаем само собой разумеющимися. Действительно, теперь, когда такие открытия уже сделаны, они в принципе, могут быть известны и отдельным людям. Но некоторые знания, которые мы сегодня считаем очевидными, никогда не были бы получены без усилий множественных субъектов, созданных людьми, которые работают в группах с намерениями, безусловно являющимися намерениями группы» [13, р. 345].

Другая линия аргументации в пользу коллективной субъектности связана в первую очередь, с работами М. Гилберт, предложившей термин «множественный субъект» (we-subject). Такой субъект обладает как убеждениями (beliefs), так и интенциональностью. При этом в противоположность стандартному подходу, согласно которому коллективность (социальная группа) создается совместным действием, М. Гилберт предлагает считать условием создания социальной общности (группы) не совместное действие, а именно создание множественного субъекта [7, р. 165]. Если принять тезис о том, что научные сообщества имеют коллективные убеждения, то можно сделать вывод и о том, что научное знание, таким образом, может представлять собой коллективное знание, которым обладают научные коллективы или сообщества [8]. Работа М. Гилберт «Коллек-

тивное убеждение и перемены в науке» («Collective Belief and Scientific Change») [8] представляет собой первую попытку объяснить различные аспекты научной эпистемической культуры в терминах коллективной интенциональности.

Одним из главных аргументов у М. Гилберт служит то, что постулирование коллективного субъекта познания лучше позволяет объяснить многие процессы, происходящие в науке, например научные революции или смену научных парадигм. Так, последние, по мнению М. Гилберт, занимают длительное время, поскольку такие перемены требуют смены взглядов не только у отдельных исследователей, но и у всего исследовательского сообщества или представителей определенной области знания.

При этом такую коллективную субъектность также можно понимать очень по-разному, не ограничиваясь привычной дихотомией «индивидуальный исследователь – научный коллектив». Так, И.Т. Касавин предложил оригинальную и сложную схему коллективного субъекта познания, которая преодолевает дуализм индивидуализма и коллективизма. По его мнению, проблема коллективного субъекта познания вовсе не является открытием социальной эпистемологии, а проходит через всю историю философии. Под таким коллективным субъектом познания И.Т. Касавин понимает и того, кто может заблуждаться, принимая за истину призраки пещеры, и владеющего истиной философа из «Государства» Платона, и трансцендентального субъекта И. Канта, а также многих других. «Коллективный субъект обретал новые концептуализации в форме гегелевского саморазвития духа или “всеобщего согласия”» О. Конта, в понятиях всеобщего и совместного труда К. Маркса [2, с. 6–7].

Такая позиция выглядит необычной с точки зрения современной аналитической философии, в которой по преимуществу исследуется данная проблематика, однако она представляет собой традиционную философскую практику работы на самых высоких уровнях абстракции. «Абстрактный гносеологический субъект, идею которого принято с некоторых времен подвергать критике, и есть этот коллективный субъект, взятый с точки зрения своих наиболее общих характеристик» [2, с. 6]. Коллективный субъект познания представлен в этой схеме четырьмя ипостасями, или уровнями: трансцендентального, укорененного, договорного и распределенного субъекта.

Социально-историческую проекцию коллективного субъекта познания предлагает Б.И. Пружинин [5]. Современные проблемы он

видит здесь в утрате индивидом осмысленности своей работы, превращение научной деятельности из призвания в профессию, выражаясь языком М. Вебера. Преодоление фрагментации научной деятельности в рамках коллективного распределения ролей, возвращение целостного представления о содержании и смысле индивидуальной научной деятельности требуют, по мнению Б.И. Пружинина, акцентирования исторического аспекта научной работы, что должно способствовать возвращению в сознание ученых культурно-исторической осмысленности их труда.

При любой конфигурации коллективного субъекта познания важнейшей его характеристикой будет специфика организации коллективной интенциональности. Напомним, что нас беспокоит потенциальный конфликт между индивидуальной и коллективной рациональностью, а интенциональные состояния являются необходимыми условиями для рационального действия. Полный отказ от суммативных представлений о природе коллективного знания, когда оно понимается как знание всех или некоторых составляющих коллектив индивидов, предполагает, как кажется, не только конструирование коллективного субъекта познания, но и приписывание такому субъекту коллективной интенциональности. При этом по аналогии с классическим философским пониманием общей воли у Руссо и Канта как единой воли всех граждан, а не суммы частных волеизъявлений коллективная интенциональность также должна создавать единые предпосылки для действия. Преимуществом такой конструкции является то, что в ней нет места для агрегирования или конфликта отдельных волей, так же как нет места для противостояния индивидуальной воли и общей воли. Тем самым отсутствуют и предпосылки для разрывов между индивидуальной и коллективной рациональностью, что, напомним, является серьезной проблемой для производства общественных благ, и в частности такого общественного блага, как знание.

Такая конструкция, конечно, не лишена и недостатков. С точки зрения методологии она представляется излишне радикальной, поскольку фактически полностью устраняет индивидуальный уровень субъектности, заменяя его уровнем коллективным. Основное же возражение связано с тем, что такая модель познавательного субъекта не выглядит очень реалистичной. Кажется более естественным все же начинать моделирование коллективного субъекта познания с имеющихся у нас представлений о реальных индивидуальных

субъектах с учетом всех и «хороших», и «плохих» практик. Но тогда возникает ряд вопросов. Как быть с тем, что и коллективное знание, и коллективные субъекты познания с их коллективными действиями – это не только теоретические конструкции, но и часть сегодняшней общепризнанной реальности? Существуют ли варианты переосмысления ситуации в рамках аналитической традиции и с тем концептуальным аппаратом, который мы использовали, такими понятиями, как индивидуальность, коллективность, рациональность и интенциональность, которые бы не требовали жесткой привязки одного к другому? Основной вопрос здесь следующий: возможно ли в принципе коллективное действие без коллективной интенциональности и если возможно, то каким образом? Это очень обширная тема, требующая отдельного обсуждения. Предварительно можно сказать, что такие модели вполне возможны и таких возможностей немало [6]. Самый очевидный случай – это, например, коллективная работа человека-машинных интеллектуальных систем. Но нас, конечно, в первую очередь интересуют возможности сугубо человеческой интенциональности и коллективности.

Одним из вариантов может быть теоретическая схема, в которой сохранялось бы представление о науке как о коллективной деятельности, но которая была бы более «человекоразмерной» в плане методологически более бережного отношения к индивидуальному исследователю. Моделирование коллективной субъектности по аналогии с субъектностью индивидуальной представляется более правдоподобным, хотя и не дает возможности разом решить множество проблем, в том числе и проблему потенциального расхождения между требованиями индивидуальной и коллективной рациональности. Скорее всего, ее придется решать не на основе радикальной смены парадигмы субъектности – с индивидуальной на коллективную, а более традиционными способами, предложенными, в частности, в русле эпистемологии добродетелей, посредством предъявления жестких, но реалистичных требований как к индивидуальному субъекту, так и к процессу научного исследования.

Литература

1. *Аристотель. Политика* // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т.4. С. 375–644.

2. *Kasavin I.T.* Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2015. Вып. 46, № 4. С. 5–18.
3. *Олсон М.* Логика коллективных действий. М.: ФЭИ, 1995. 174 с.
4. *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 312 с.
5. *Пружинин Б.И.* «Коллективный субъект» в научной традиции (философско-методологические заметки) // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2019. № 2 (48). С. 105–110.
6. *Chant S.* Unintentional collective action // *Philosophical Explorations*. 2007. Vol. 10, No. 3. P. 245–256.
7. *Gilbert M.* A Theory of Political Obligation: Membership, Commitment, and the Bonds of Society. Oxford: Oxford University Press, 2006. 344 p.
8. *Gilbert M.* Collective belief and scientific change // *Sociality and Responsibility: New Essays in Plural Subject Theory*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2000. P. 37–49.
9. *Pritchard D.* Epistemic dependence // *Epistemology*. 2015. Vol. 29, Iss. 1. P. 305–324.
10. *Quinton A.* Social objects // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1976. Vol. 76. P. 1–27.
11. *Stevens M.* Scientific sharing, communism, and the social contract // *Scientific Collaboration and Collective Knowledge* / Ed. by T. Boyer-Kassem, C. Mayo-Wilson and M. Weisberg. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 3–33.
12. *Tuomela R.* On the structural aspects of collective action and free-riding // *Theory and Decision*. 1992. Vol. 32. P. 165–202.
13. *Wray K.B.* Who has scientific knowledge // *Social Epistemology*. 2007. Vol. 21, No. 3. P. 337–347.

References

1. *Aristotle.* (1976). *Politika*. [Politics]. In: *Aristotle. Sochineniya*: V 4 t. [Works: In 4 vol.], Vol. 4. Moscow, Mysl Publ., 375–644. (In Russ.).
2. *Kasavin, I.T.* (2015). Kollektivnyy subyekt kak predmet epistemologicheskogo analiza [The collective subject as an object of epistemological analysis]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], Iss. 46, No. 4, 5–18.
3. *Olson, M.* (1995). Logika kollektivnykh deystviy [The Logic of Collective Action]. Moscow, Institute of Physics and Power Engineering Publ., 174. (In Russ.).
4. *Peccei, A.* (1985). Chelovecheskie kachestva [The Human Quality]. Moscow, Progress Publ., 312. (In Russ.).
5. *Pruzhinin, B.I.* (2019). “Kollektivnyy subyekt” v nauchnoy traditsii (filosofsko-metodologicheskie zametki) [The “collective subject” in the scientific tradition (philosophic and methodological notes)]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke* [Humanities Research in the Russian Far East], 2 (48), 105–110.
6. *Chant, S.* (2007). Unintentional collective action. *Philosophical Explorations*, Vol. 10, No. 3, 245–256.
7. *Gilbert, M.* (2006). A Theory of Political Obligation: Membership, Commitment, and the Bonds of Society. Oxford, Oxford University Press, 344.
8. *Gilbert, M.* (2000). Collective belief and scientific change. In: *Sociality and Responsibility: New Essays in Plural Subject Theory*. Lanham, MD, Rowman and Littlefield, 37–49.

9. *Pritchard, D.* (2015). Epistemic dependence. *Epistemology*, Vol. 29, Iss. 1, 305–324.
10. *Quinton, A.* (1976). Social objects. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 76, 1–27.
11. *Stevens, M.* (2017). Scientific sharing, communism, and the social contract. In: Boyer-Kassem, T., C. Mayo-Wilson and M. Weisberg (Eds.). *Scientific Collaboration and Collective Knowledge*. Oxford, Oxford University Press, 3–33.
12. *Tuomela, R.* (1992). On the structural aspects of collective action and free-riding. *Theory and Decision*, 32, 165–202.
13. *Wray, K.B.* (2007). Who has scientific knowledge? *Social Epistemology*, Vol. 21, No. 3, 337–347.

Информация об авторе

Шевченко Александр Анатольевич. – Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
shev@philosophy.nsc.ru

Information about the author

Shevchenko, Aleksandr Anatolyevich. – Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).

Дата поступления 05.09.2023